

Шэнь Цинвэй крепко обняла Чжао Синюэ, словно утопающий, наконец ухватившийся за спасательное бревно. Невыносимые чувства, нахлынувшие подобно приливу, начали постепенно отступать.

Чжао Синюэ похлопала её по спине:

— Ну всё, всё. Что случилось?

— Госпожа Чжао.

— М?

— Мне очень страшно.

Чжао Синюэ промолчала.

— Мне приснился сон, кошмар. Мне приснилось... — голос Шэнь Цинвэй дрогнул, она едва могла говорить. — Приснилось, что я стала игрушкой Чжоу Юнцзя, что я родила ему ребёнка...

Стоило Шэнь Цинвэй произнести первые слова, Чжао Синюэ уже поняла, что именно той привиделось. Она изменила этот сценарий судьбы, но нельзя было отрицать, что всё это действительно происходило — просто она стёрла это, повернув время вспять. Чжао Синюэ полагала, что Шэнь Цинвэй никогда не узнает о том, что было, но не ожидала, что та судьба проявит свою силу, явившись в виде кошмара.

Но каким бы пугающим ни был сон, это всего лишь сон.

— Тише, тише, всё хорошо... — Чжао Синюэ продолжала успокаивать Шэнь Цинвэй, словно испуганного зверька.

— Во сне не было вас. Я всё искала вас, но там не было ни Чжао Синюэ, ни Корпорации Чжао...

Конечно, их там не было, подумала Чжао Синюэ. Если бы не она, прежняя Чжао Синюэ давно погибла бы в автокатастрофе, а Корпорацию Чжао убитый горем Отец Чжоу передал бы жениху своей дочери, объединив с Корпорацией Чжоу, тем самым усилив позиции Чжоу Юнцзя.

— Ну вот же я, разве нет?

— Госпожа Чжао, я хочу кое в чём убедиться.

— ... — В чём именно?

Вскоре Чжао Синюэ поняла, как именно Шэнь Цинвэй решила убедиться. Она расширила глаза, глядя на Шэнь Цинвэй, которая с закрытыми глазами подалась вперёд и прижалась губами к её губам. Шэнь Цинвэй выглядела до предела напряжённой: хотя она и коснулась губ начальницы, двигаться не смела, а её длинные ресницы, всё ещё влажные от слёз, непрерывно дрожали, выдавая волнение хозяйки.

Этот поцелуй был таким внезапным. Но при этом таким естественным.

Воспоминания о собственном прошлом у Чжао Синюэ давно потускнели. Она не помнила, любила ли кого-то сама и любили ли её, хотя смутное ощущение, что это было, оставалось. В любом случае, целоваться она умела — по крайней мере, куда лучше, чем Шэнь Цинвэй, которая знала лишь, как робко прикусывать губы.

Её замешательство длилось лишь мгновение. Когда Шэнь Цинвэй собралась отстраниться, Чжао Синюэ подняла руку и, запустив длинные пальцы в волосы девушки, притянула её голову ближе. Стоило ей слегка коснуться языком, как Шэнь Цинвэй невольно приоткрыла рот. Теперь уже глаза расширились у Шэнь Цинвэй.

— Сосредоточься.

Шэнь Цинвэй поспешно зажмурилась. Чжао Синюэ не сопротивлялась этому поцелую, даже находя в нём некое удовольствие. Трудно было описать это чувство, но инициатива Шэнь Цинвэй пришлась ей по душе. В глубине души, в том месте, которое всегда пустовало, будто вдруг заполнился какой-то уголок. Её сердце было словно шкаф: пока дверцы закрыты, она и сама не знала, что лежит внутри, а что пусто. Теперь Шэнь Цинвэй открыла один ящик и что-то в него положила, но остальное пространство всё ещё зияло пустотой, и Чжао Синюэ захотела заполнить его до краёв.

Шэнь Цинвэй прижали спиной к стене, и дыхание Чжао Синюэ властно и напористо накрыло её. В этот момент Шэнь Цинвэй наконец осознала, что она — тот самый белый цветок, который добровольно приполз в пасть к крупному хищнику. Её тело дрожало, разум кричал: беги, спасайся! Но чувства шептали совсем иное.

Разум вопил: оттолкни её, оттолкни!

Чувства же, подобно женщине в соблазнительном ципао, протянули ей стройную, гладкую ногу и, легонько коснувшись пальцами её сердца, мягко прошептали: иди сюда.

Чувства были не такими резкими, как разум, но всего двух этих слов хватило, чтобы оборона Шэнь Цинвэй рухнула. Она вцепилась в плечи Чжао Синюэ, неуклюже отвечая на поцелуй. Она хотела эту женщину — не просто чтобы та смотрела на неё, она хотела завладеть всем её вниманием, хотела этих поцелуев, объятий и... хотела её саму.

Рука Чжао Синюэ скользнула по её спине вниз, к мягкой талии, лениво поглаживая, а мизинец другой руки игриво коснулся уха. От её прикосновений по телу Шэнь Цинвэй пробежали электрические разряды. Для обеих это был крайне необычный опыт. Шэнь Цинвэй никогда не думала, что сама начнёт соблазнять начальницу и получит ответ. А Чжао Синюэ... она и представить не могла, что решится на нарушение правил — посягнёт на объект своей миссии. В её планах никогда не было затаскивать цель в постель.

Но она всё же сделала это. Потому что Чжао Синюэ никогда не была человеком, чтущим

правила. Она тысячу лет усердно трудилась в Подземном царстве и вершила правосудие не из-за дисциплины или любви к справедливости, а просто потому, что ей было лень что-то менять, да и никто не стоил того, чтобы ради него нарушать устои.

Но Шэнь Цинвэй... Чжао Синюэ не могла объяснить свои чувства. Если поначалу внимание было продиктовано заданием, то позже она действительно не могла оторвать взгляд от этой девушки. Шэнь Цинвэй была именно такой, как её определили в Подземном царстве — белым цветком. Наивная, добрая, полная любви к миру. По сравнению с ней Чжао Синюэ, вышедшая из Подземного царства и смотревшая на мир с полным безразличием, казалась настоящим демоном. В Шэнь Цинвэй был свет, который загорался, когда Чжао Синюэ смотрела на неё. Она могла превратить простые продукты в изысканный ужин, могла выстроить высокую стену защиты перед лицом боли и изо всех сил сопротивляться, когда на неё нападали.

Возможно, сама Шэнь Цинвэй не знала, сколько в ней качеств, притягивающих Чжао Синюэ. Она видела слишком много страданий людей, слишком много нелепых драм из-за власти и денег. Но Шэнь Цинвэй... в её глазах всё было прекрасно — и её боль, и её радость. Чжао Синюэ подумала: Владыка Подземного Царства не запрещал заводить романы с подопечными. А на негласные правила работы ей, Чжао Синюэ, плевать.

Губы только что разомкнулись. Шэнь Цинвэй тяжело дышала, в темноте они смотрели друг на друга. Уголки губ Чжао Синюэ приподнялись, и, убедившись, что та перевела дух, она снова склонилась, с ещё большей страстью целуя её.

...

Два часа спустя. Спальня Чжао Синюэ.

Шэнь Цинвэй вцепилась в одеяло, её сердце бешено колотилось. Всё, что произошло сегодня, случилось так быстро, что голова шла кругом. Она сама поцеловала Чжао Синюэ, и та ответила. Она сама предложила согреть постель...

Шэнь Цинвэй готова была дать себе пощёчину, чтобы прийти в себя. Но лицо горело так, словно мозг плавился, и думать было невозможно.

— Выпьешь вина? — Чжао Синюэ вошла в комнату с двумя бокалами.

Она протянула один Шэнь Цинвэй и приглушила свет. Комната погрузилась в полумрак, наполненный двусмысленностью. Чжао Синюэ села на край кровати. Шэнь Цинвэй взяла бокал, чувствуя, что температура в комнате поднялась до предела. Она никогда не любила красное вино, особенно сухое — сплошная горечь и терпкость. Но сейчас, когда красная жидкость коснулась горла, она неожиданно почувствовала сладость.

В полузабытьи мысли путались. Она вспоминала декларацию Чжао Синюэ о статусе холостяка, фотографию, которую видела в чате — Чжао Синюэ с каким-то мужчиной... На душе стало кисло, хотелось что-то спросить, но она не знала, как начать. Она не помнила, когда допила вино, не помнила, как Чжао Синюэ перелила вино из своих губ в её рот. В этом алкогольном

тумане всё происходило именно так, как должно было.

— Потихе... больно.

— Тихе, милая, тихе.

В темноте кто-то нежно целовал её в мочку уха, и тело Шэнь Цинвэй постепенно расслаблялось.

За окном пробили рождественские колокола. Внутри, в темноте, дыхание становилось всё жарче. Фейерверки расцветили небо, озаряя комнату, и Шэнь Цинвэй широко открыла глаза, пытаясь в этом слабом свете разглядеть того, кто был над ней. Она увидела лишь улыбку, а затем её снова накрыло волной страсти.

...

На следующее утро.

Каково это — переспать со своей хозяйкой? Каково это — переспать со своей начальницей?

Мы провели ночь вместе, и теперь она спит рядом со мной. Мне бежать или... бежать?

Шэнь Цинвэй только дёрнулась, как длинная рука обхватила её за талию и притянула в мягкие объятия. Знакомый аромат ударил в нос, и она едва не провалилась в сон снова. Но стоило осознать, кто лежит рядом, как разум прояснился с небывалой силой. Воспоминания о безумной ночи всплывали кадр за кадром: как она сама лезла целоваться, как они обе потеряли голову... Шэнь Цинвэй подумала, что в неё точно вселился бес.

Она застыла, глядя в одну точку, пока на неё не легла рука, а у самого уха не раздался низкий, бархатный голос:

— Который час?

Голос Чжао Синюэ, ещё не проснувшейся, был хриплым, как у кошки, только что открывшей глаза. Так и хотелось почесать её за подбородком, наблюдая, как она щурится от удовольствия. Но для Шэнь Цинвэй Чжао Синюэ была как разъярённый тигр — сколько бы она ни мечтала, пошевелиться не смела. Услышав вопрос, она, даже будучи обнажённой под одеялом, по привычке, как в офисе, тут же потянулась к будильнику на тумбочке.

— Семь утра.

— Так поздно...

Для Шэнь Цинвэй это было раннее утро, но для Чжао Синюэ, которая обычно вставала в пять тридцать, это действительно было поздно. Шэнь Цинвэй уже начала лихорадочно соображать,

что сказать, чтобы избежать неловкости, как вдруг та, что обнимала её, перевернула её на другой бок и закинула ногу на поясницу.

— Сегодня выходной, поспи ещё.

— Ай...

Последствием ночного безумия стало то, что после переворота Шэнь Цинвэй почувствовала: её поясница словно ей не принадлежит. Она не хотела вспоминать все те постыдные позы, единственное, что радовало — она хоть и не любила спорт, но ради зачётов по физкультуре старалась, и даже спустя год после выпуска гибкость оставалась неплохой.

— Болит? — спросила сонная Чжао Синюэ.

Рука скользнула со спины на поясницу, нога переместилась, и теперь рука начала нежно массировать ноющее место. Боль от прикосновений сменилась приятным покалыванием, Шэнь Цинвэй невольно простонала, на что Чжао Синюэ тихо рассмеялась:

— Какая ты чувствительная...

— ...

Мерзавка!

...

Рождество прошло, начались рабочие будни. Всё, что случилось, для Шэнь Цинвэй казалось сном — сон прошёл, жизнь вернулась в привычное русло. Отношения между ними не изменились: они по-прежнему жили под одной крышей, Шэнь Цинвэй отвечала за еду, они спали в разных комнатах и вставали в разное время. Иногда Шэнь Цинвэй порывалась прижать Чжао Синюэ к стенке и спросить, что она на самом деле думает, но чаще всего, поймав на себе её взгляд, молча проглатывала вопросы и, как и Чжао Синюэ, делала вид, что ничего не было.

Чжао Синюэ такой уклад нравился. Ей нравилась их нынешняя жизнь, нравился формат отношений: близость, но при этом у каждой своё личное пространство. Это давало надежду, что остаток жизни с Шэнь Цинвэй будет вполне приятным. Она точно не могла выйти замуж и родить детей, ведь её жизнь была лишь продолжением чужой судьбы. Если она оставит в этом мире ребёнка, тот станет переменной, последствия которой не предскажет даже Книга Жизни и Смерти.

Что касается Шэнь Цинвэй, то, будучи коренной жительницей этого мира, она могла иметь детей, но как человек, чья судьба была изменена, её брак и деторождение могли стать взмахом крыла бабочки, который приведёт к непредсказуемым последствиям. Так что их случайный союз был для этого мира скорее полезен, чем вреден.

...

К концу года Корпорация Чжао работала как высокоскоростной механизм. Снаружи — лютая зима и снег, внутри — раскалённый докрасна процессор. Бесконечные совещания, отчёты, доклады. Гора мелких дел сыпалась на голову Шэнь Цинвэй, она крутилась как белка в колесе, не имея ни времени, ни сил думать об отношениях с Чжао Синюэ. Лишь изредка, в минуты затишья, она замирала, и в голове сама собой всплывала та страстная ночь.

Кожа Чжао Синюэ была нежной, как шёлк. На вид хрупкая, без одежды она оказывалась крепкой, с рельефными мышцами под тонким слоем жира, с красивыми линиями тела — не то что она сама, сплошная мягкость. Шэнь Цинвэй через одежду ущипнула себя за руку: зимой аппетит вырос, а после переезда ближе к офису ходить пешком она стала меньше. У Чжао Синюэ не было весов, но Шэнь Цинвэй чувствовала, что поправилась. Нужно худеть, сказала она себе. Посмотреть хотя бы на Чжао Синюэ — встаёт в пять тридцать, бег, йога... По сравнению с ней Шэнь Цинвэй чувствовала себя свиньёй, которая только ест и спит.

— Цинвэй, отнеси эти документы госпоже Чжао.

— О, хорошо.

Пока Шэнь Цинвэй ехала в лифте с бумагами, она размышляла, пообедаёт ли сегодня с ней Чжао Синюэ. В последнее время та была невероятно занята: совещания, командировки — Шэнь Цинвэй знала, что на той неделе Чжао Синюэ три дня провела в самолётах и поездах. После той ночи отношение Чжао Синюэ не изменилось, и хотя Шэнь Цинвэй готовилась к тому, что это будет «одна ночь», чувство разочарования всё же не покидало её.

Лифт открылся. Шэнь Цинвэй подняла глаза и увидела, что Чжао Синюэ стоит у дверей другого лифта, о чём-то беседуя с группой людей. Она сразу узнала мужчину, стоящего к ней спиной. Тот самый силуэт. Женщины всегда особенно чувствительны к соперницам, и даже если на фото был лишь размытый силуэт, интуиция подсказала ей — это Чжоу Юнци. Тот самый мужчина, с которым Чжао Синюэ была на свидании в сочельник.

Она, не мигая, наблюдала за их общением. Чжао Синюэ выглядела с ним очень непринуждённо. Улыбка на её лице была нечастой, но в глазах светилась теплота — Шэнь Цинвэй, прожившая с ней немало времени, знала: это признак отличного настроения. Мужчина же подмигнул ей — игриво и интимно. Шэнь Цинвэй не могла представить, чтобы на деловой встрече была такая двусмысленность. Да, именно двусмысленность. Несмотря на строгие костюмы и серьёзный вид, она чувствовала эту странную близость.

— Приятно было сотрудничать.

— Взаимно.

Чжао Синюэ и Чжоу Юнци обменялись рукопожатием и понимающими взглядами. Чжоу Юнци оказался даже талантливее, чем предполагала Чжао Синюэ. После того как она прикрыла его в деле с тестом на отцовство, он успешно перетянул на свою сторону отца и брата, укрепился в Корпорации Чжоу и шаг за шагом вытеснил Чжоу Юнцзя. Этот контракт стал первым, который он подписал от лица Корпорации Чжоу после их разрыва с Корпорацией Чжао из-за сорванной

помолвки.

Помимо контракта, Чжоу Юнци принёс Чжао Синюэ хорошую новость. Он позволил Отцу Чжоу «случайно» услышать, что Чжоу Юнцзя нанял киллера, чтобы убить его, и убедил отца отправить того в зарубежную лечебницу под предлогом психического расстройства.

— Отец всегда любит сына, он не хочет, чтобы брат страдал в тюрьме. Как младший, я могу лишь проявить понимание к его отцовскому сердцу и отправить брата на лечение. Надеюсь, он вылечит свою манию преследования и желание убить родных.

Говоря это, Чжоу Юнци улыбался самой искренней улыбкой. Чжао Синюэ понимала: Чжоу Юнцзя теперь окончательно попал в руки этого человека.

Они попрощались, довольные результатом. Чжао Синюэ проводила гостей до лифта и, обернувшись, увидела Шэнь Цинвэй, которая, судя по всему, ждала её уже давно. Заметив, что Чжао Синюэ наконец обратила на неё внимание, Шэнь Цинвэй опустила голову и тихо произнесла:

— Госпожа Чжао.

— Обсудим всё в кабинете.

Цокот каблучков по мраморному полу отдавался эхом в ушах Шэнь Цинвэй, она поспешила следом. Чжао Синюэ положила руку на дверную ручку, и как раз когда Шэнь Цинвэй подумала, что та сейчас откроет дверь, женщина внезапно повернулась и приблизилась к её шее.

Шэнь Цинвэй застыла. Её инстинкты кричали об отступлении, но ноги словно приросли к полу. На лице сохранялось спокойствие, но внутри бушевал шторм.

Чжао Синюэ вдохнула воздух и с усмешкой произнесла:

— Откуда здесь такой кислый запах?

<http://bllate.org/book/21453/2192830>